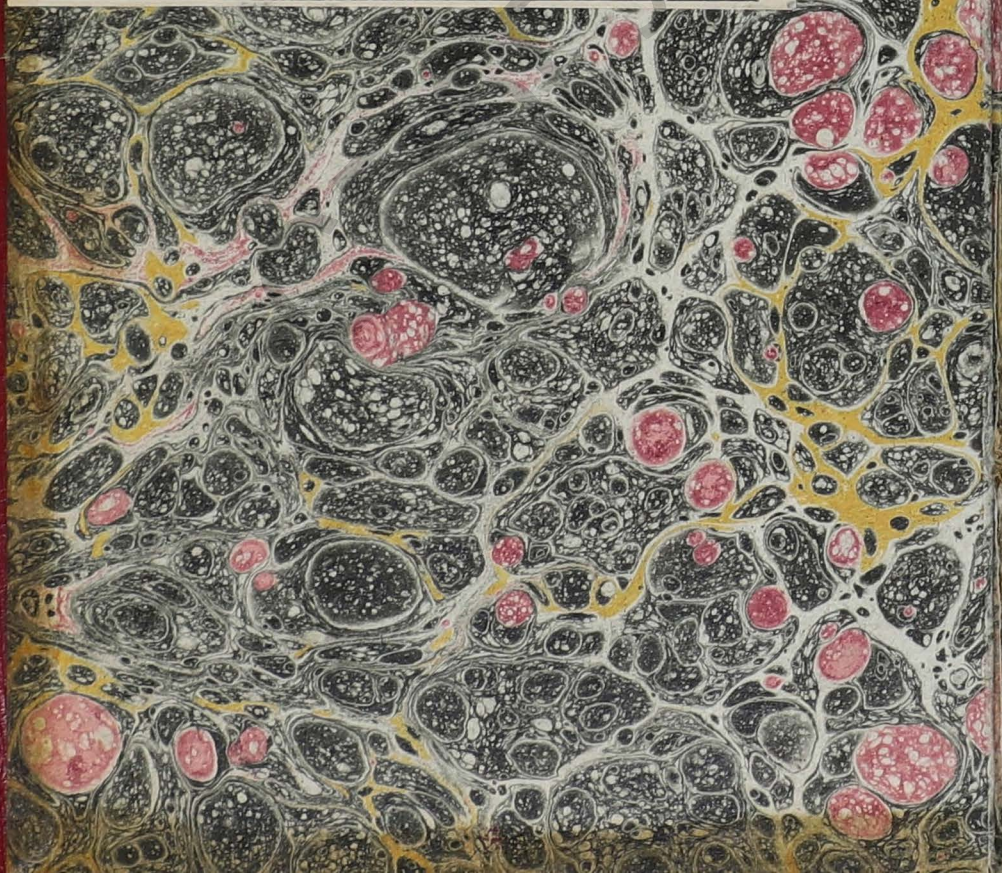
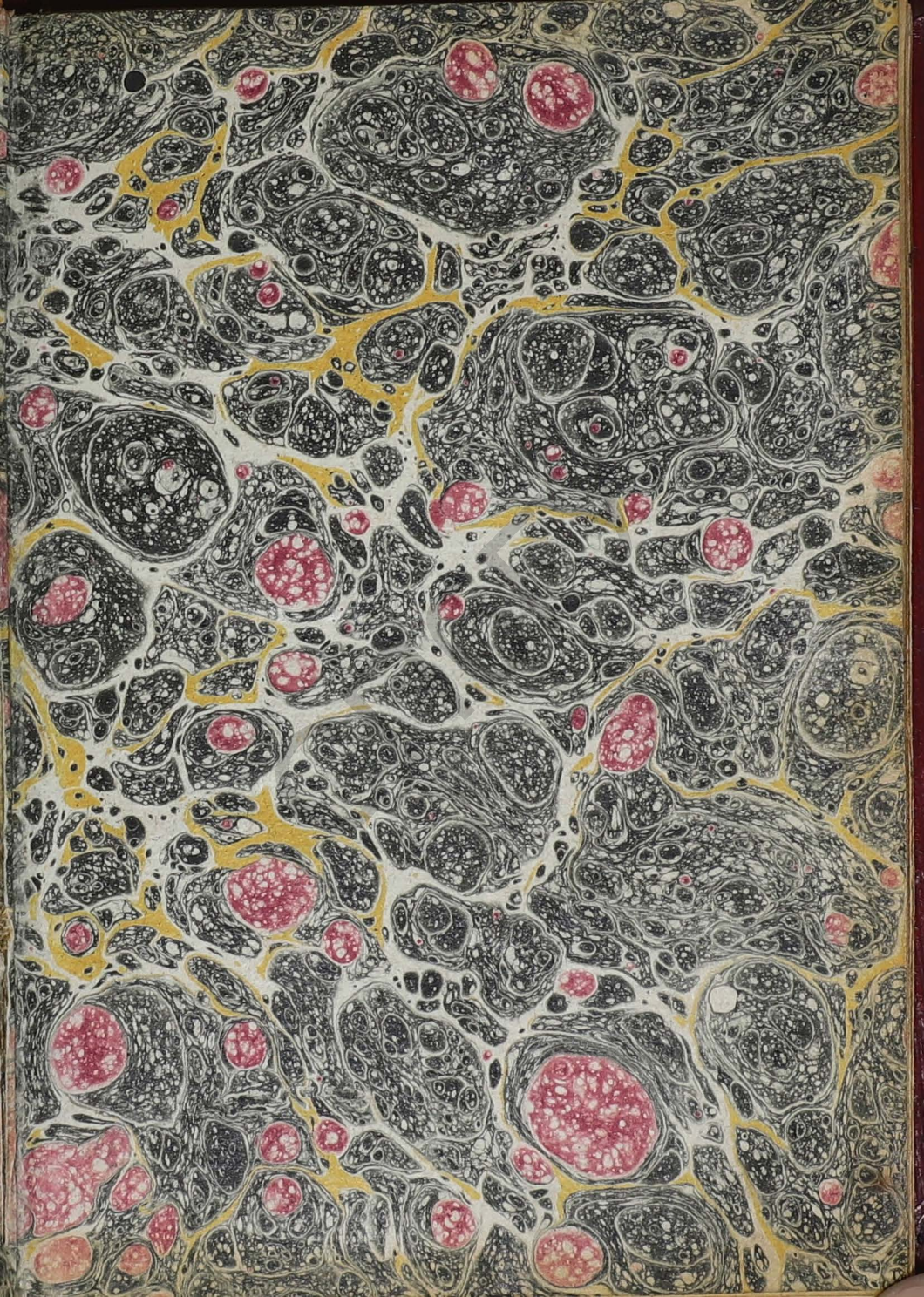

801.4413

ИЗЪ КНИГЪ
Н. Н. СТРАХОВА.

8 I 4413

СПбГУ

Свѣтъ любви, Душию, фронтанъ Сан-
кигарайскій,
Парнасса Вулканъ, златанъ прелестью,
райскій!
А тишиною любви Позви злате,
Любви и юности дѣвъ величаво, кра-
соты,
Любви шатъ фронтъ ланитъ, шатъ очи
полюбви,
Матъ ступайнскій, шибкій станъ и шудри
волотви,
Кланъ ступайнскій въ шени, шиди-
ной и шудри,
Фронтанъ радуютъ ширенною шудри,
Матъ шудри, и въ шудри шудри-
шудри шудри
Матъ шудри шудри, шудри шудри-
шудри шудри,

И судяте насъ грядуща любовию горюхъ,
И взирайте на насъ восторженно и
милостиво.

Мояго документа въ стихахъ
хотю не хитрить,
Но народная мена въ хуфеевскъ врно.
милостиво.

O' Quel grande verité,
C'est ce qui peut l'attester.

Dr. A.

Висшелевскъ Мило.

25th June
1824.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ
ФОНТАНЪ.

СНБГУ

ЭТ 4413.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

Сочиненіе

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Многіе, шакже какъ и я, посѣщали
сей Фонтанъ; но пныхъ уже нѣшь,
другіе спранствуюшь далече.

Сади.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургич. Академіи.

1824.

Иен. 100. 1117
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

16505.

Перепл. 1950

Печаташь дозволяется съ пѣмь , чтобы по
напечатаніи, до выпуска въ публику пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ:
одинъ экземпляръ сей книги для Ценсур-
наго Комитета , другой для Департамен-
та Министрства Духовныхъ дѣлъ и На-
роднаго Просвѣщенія , два экземпляра для
ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки
и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи
Наукъ. Декабря 10 дня 1823 года. Книгу
сію разсматривалъ Ординарный Профес-
соръ , Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

АЛЕКСѢЙ МЕРЗЛЯКОВЪ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ ИЗДАТЕЛЕМЪ И КЛАССИКОМЪ СЪ ВЫБОРГСКОЙ
СТОРОНЫ, ИЛИ СЪ ВАСИЛЬЕВСКАГО ОСТРОВА.

Кл. Правда ли, что молодой Пушкинъ печатаетъ новую, шестую Поэму, по ещѣ, поэму по романтическому значенію, а по нашему, незнаю какъ и назвашь.

Изд. Да, онъ прислалъ *Бахчисарайской фонтанъ*, которой здѣсь теперь и печатается.

Кл. Нельзя не пожалѣть, что онъ много пишетъ; скоро выпишется.

Изд. Пророчества оправдываются событіемъ; для повѣрки нужно время;

а между тѣмъ замѣчу, что если онъ пишеть много въ сравненіи съ нашими поэтами, которые почти ничего не пишуть; но пишеть мало въ сравненіи съ другими своими Европейскими сослуживцами. Байронъ, Вальперъ Скоппъ и еще нѣкоторые неупомимо пишуть, и читающся не упомимо.

Кл. Выспавя эпихъ двухъ Брипанцевъ, вы думаете зажать ротъ критикѣ и возраженіямъ! Напрасно! Мы свойства неробкаго! Нельзя судить о дарованіи писателя по приспращію къ нему суевѣрной черни читателей. Своеправная, она часто ославляетъ безъ вниманія писателей достойнѣйшихъ.

Изд. Не съ достойнѣйшимъ ли писателемъ имѣю честь говорить?

Кл. Эпиграмма — не сужденіе. Дѣло

въ помѣ , что пора испинной , классической липперапуры у насъ миновалась . . .

Изд. А я такъ думалъ , что еще не настала . . .

Кл. Что нынѣ завелась какая-то школа новая , никѣмъ не признанная , кромѣ себя самой ; не слѣдующая никакимъ правиламъ , кромѣ своей прихоти , искажающая языкъ Ломоносова , пишущая на обумъ , щеголяющая новыми выраженіями , новыми словами . . .

Изд. Взятыми изъ Словаря Россійской Академіи ; и коимъ новые поэты возврапили въ языкъ нашемъ право граждансва , похищенное , не знаю , за какое преспупление и безъ суда ; ибо до сей поры мы руководспвуемся болѣе упопрбленіемъ , кошорое свергнуто бышь можеть упопрбленіемъ новымъ .

Законы языка нашего еще не приведены въ уложеніе ; и какъ жаловаться на новизну выраженій? Развѣ прикажете подчинить языкъ и поэповъ нашихъ Китайской неподвижности? Смоприте на природу! лица человѣческія, соспавленные изъ однѣхъ и шѣхъ же часпей, вылипы не всѣ въ одну фізіогномію, а выраженіе еспѣ фізіогномія словъ.

Кл. За чѣмъ же по крайней мѣрѣ давашь Рускимъ словамъ фізіогномію Нѣмецкую? Чпо значить у насъ эпошь духъ, эпи формы Германскія? Кпо ихъ ввель?

Изд. Ломоносовъ!

Кл. Вопшь эпо забавно!

Изд. А какъ же? Развѣ онъ не бралъ въ нововводимомъ спихосложеніи своемъ съемки съ формъ Германскихъ? Развѣ не подражалъ онъ современнымъ

Нѣмцамъ ? Скажу болѣе. Возмите при знаменитыя эпохи въ исторіи нашей императоруры, вы въ каждой найдете оппечашокъ Германской. Эпоха преобразования, сдѣланная Ломоносовымъ въ Рускомъ стихосворствѣ; эпоха преобразования въ Руской прозѣ, сдѣланная Карамзинымъ; нынѣшнее волненіе, волненіе романпическое и пропиву-законное, если пакъ хопите назвашь его, не явно ли показывающь господствующую наклонность императоруры нашей ! И пакъ наши поэты современники слѣдуютъ движению, данному Ломоносовымъ; разница только въ томъ, что онъ слѣдовалъ Гинперу и нѣкопорымъ другимъ изъ современниковъ, а не Гепе и Шиллеру. Да и у насъ ли однихъ Германскія Музы распроспра-няютъ свое владычество ? Смотрише

и во Франціи, — въ государствѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи, едва не оправдало честолюбиваго мечпанія о *Всемирной державѣ*, и во Франціи, сіи хищницы приемятъ уже иѣкорное господство, и выпѣсняютъ мѣстныя, наследственныя Власши. Поэты, современники наши, не болѣе грѣшны поэповъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ Рускаго покроя въ литературѣ; можешь быть и не будешь его, потому что иѣшь; но во всякомъ случаѣ поэзія новѣйшая, шакъ называемая романтическая, не менѣе намъ сродна, чѣмъ поэзія Ломоносова или Хераскова, которую вы сидишь выславишь за классическую. Что есть народнаго въ Песнядѣ и Россіадѣ, кромѣ имени? К.л. Что такое народность въ сло-

весности? Этой фигуры нѣтъ ни въ Піипикѣ Ариспошеля, ни въ Піипикѣ Горація.

Изд. Нѣтъ ея у Горація въ Піипикѣ, но естъ она въ его пвореніяхъ. Она не въ правилахъ, но въ чувспахъ. Оппечапокъ народности, мѣспности: вопъ что соспаваляетъ, можепъ быепъ, главное сущеспвеннѣйшее достоинство Древнихъ, и ушверждаетъ ихъ право на вниманіе попомспава. Глубокомысленный Миллеръ не даромъ во Всеобщей Испоріи своей указаль на Капулла въ числѣ испочниковъ, и упомянулъ о немъ въ харакпериспикѣ того времени.

Кл. Ужь вы, кажепся, хопипе въ свою вольницу Романпиковъ завербовапъ и древнихъ классиковъ. Того смопри, что и Гомеръ и Виргилій были Романпики.

• Quellen der Geschichte der Römer.

Изд. Назовите ихъ , какъ хопите ; но нѣтъ сомнѣнїя , что Гомеръ , Гораций , Эсхиль имѣютъ гораздо болѣе сродства и соотношенїй съ главами Романтической школы , чѣмъ съ своими холодными , рабскими послѣдователями , кои силанся бытъ Греками и Римлянами заднимъ числомъ . Не уже ли Гомеръ сотворилъ Иліаду , предугадывая Аристопела и Лонгина , и въ угожденїе какой-то классической совѣсти , еще тогда не вымышленной ? Да и позволите спросить у себя и у спарѣйшинъ вашихъ , опредѣлено ли въ почности , что такое *Романтической родъ* , и какія имѣетъ онъ отношенїя и проптивуположности съ *классическимъ* ? Признаюсь , по крайней мѣрѣ за себя , что еще не случилось мнѣ опъискавъ ни въ книгахъ , ни

въ умѣ своемъ , сколько о томъ ни читала , сколько о томъ ни думала , полного , математическаго , удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи. Многие вѣруютъ въ классической родъ потому , что такъ имъ вѣрно ; многие не признаютъ Романтическаго рода потому , что онъ не имѣетъ еще законодатель , обязавшихъ въ вѣрности безусловной и непрекословной. На романтизмъ смотрятъ , какъ на анархію своевольную , разрушительницу постановленій , освященныхъ древностію и суевѣріемъ. Шлегель и Гжа. Спаль не облечены въ лапы свинцоваго педантизма , опъ нихъ не несетъ схоластическою важностію , и правила ихъ для нѣкопрыхъ людей не имѣютъ вѣса , потому что не налагаютъ съ важностію ; не всѣ изъ насъ поддаются заман-

чивоспи, увлеченію, многіе только что порабощаются господству. *Стадо подражателей*, о коихъ говоритъ Гораций, не переводится изъ рода въ родъ. Что дѣйствуюеть на умы многихъ учениковъ? Хорошая указка, съ коей учили по пальцамъ вбивающъ умъ въ своихъ слушателей. Чѣмъ паспырь гонитъ свое стадо по дорогѣ прогонной? Твердымъ посохомъ. Наша братья любятъ рабобѣсповоанъ. . .

Кл. Вы такъ много миѣ здѣсь наговорили, что я не успѣлъ къ спати сдѣлать оппоръ вамъ слѣдующимъ возраженіемъ: Доказательствомъ, что въ Романтической липперапурѣ нѣтъ никакого смысла, можетъ служить то, что и самое названіе ея не имѣетъ смысла опредѣленнаго, утвержденнаго общимъ условіемъ. Вы сами признались

въ томъ! весь свѣтъ знаетъ, что такое классическая лирическая поэма, чего она требуетъ. . .

Изд. Потому что условились въ опредѣленіи, а для романтической лирической поэмы еще не было времени условишься. Начало ея въ природѣ; она есть; она въ обращеніи, но не спустила еще въ руки анапостиховъ. Дайте срокъ! придетъ часъ, переспойте и на ея воздушную одежду положите свое свинцовое клеймо. Въ копиромъ нибудь сполѣтніи Бейронъ, Томасъ Муръ, какъ нынѣ Анакреонъ или Овидій попадутся подъ рѣзецъ испашпелей, и цвѣты ихъ яркой и свѣжей поэзіи попускаются опъ кабинетной пыли, и закопчавшись опъ лампаднаго нада комменшпоровъ, анпикваріевъ, схоласпиковъ; прибавимъ, если поль-

ко въ будущихъ сполѣпіяхъ найдутся люди, живущіе чужимъ умомъ и кои, подобно Вампирамъ, роются въ гробахъ, гложуть и жуютъ мертвыхъ, не забывая припомъ кусать и живыхъ...

Кл. Позвольте, между шѣмъ, замѣпишь вамъ мимоходомъ, что ваши опспупленія совершенно романпические. — Мы начали говорить о Пушкинѣ, опъ него кинуло насъ въ древность, а теперь забѣжали вы и въ будущія сполѣпія.

Изд. Виновать! я и забылъ, что для вашего брата классика такіе походы не въ силу. Вы держитесь единспва времени и мѣспа. У васъ умъ домосѣдъ. Извините — я опспенюсь; чего вы опъ меня желаете?

Кл. Я желалъ бы знать о содержаніи такъ называемой поэмы Пушкина. При-

знаюся , изъ заглавія не понимаю , что пущь можеть бысть годнаго для поэмы. Понимаю , что можно написать къ *фонтану* спансы , даже оду . . .

Изд. Да, иѣмь болѣе, что у Горація уже естъ *Бландузскій ключь*.

Кл. Впрочемъ мы романпиками приучены къ нечаянноспямъ. Заглавіе у нихъ эласпическаго свойства: споишь только захопѣшь и оно обхвапипъ все видимое и невидимое ; или обѣщаетъ одно , а исполнишь совершенно другое. Но расскажите мнѣ . . .

Изд. Преданіе , извѣстное въ Крыму и понынѣ , служишь основаніемъ поэмѣ. Рассказываютъ , что Ханъ Керимъ Гирей похипилъ красавицу Попоцкую , и содержалъ ее въ Бахчисарайскомъ гаремѣ ; полагають даже , что онъ былъ обвѣчанъ съ нею. Преданіе сіе сомни-

пельно и Г. Муравьевъ-Апостоль въ путешествіи своемъ по Тавридѣ, не давно изданномъ, восплаещь, и кажешся довольно основательно, пропивъ въроянія сего разсказа. Какъ бы по ни было, — сіе преданіе еспь достоианіе поэзіи.

Кл. Такъ! въ наше время обрапили Музь въ разскащиць всякихъ небылицъ! Гдѣ же достоинство поэзіи, если пишашь ее однѣми сказками?

Изд. Испорія не должна бышь легко-вѣрна; поэзія напропивъ. Она часно дорожишь шѣмъ, что первая опшвергаешь съ презрѣніемъ, и нашъ поэпъ очень хорошо сдѣлалъ, присвоивъ поэзіи Бахчисарайское преданіе, и обогативъ его правдоподобными вымыслами; а еще и того лучше, что онъ воспользовался шѣмъ и другимъ съ опличнымъ

искусствомъ. Цвѣтъ мѣстности со-
храненъ въ повѣствованіи со всею воз-
можною свѣжестью и яркостью. Есть
ощепапокъ Воспочный въ карпинахъ,
въ самыхъ чувспахъ, въ слогѣ. По
мнѣнію судей, коихъ приговоръ мо-
жетъ считапьяся окончапельнымъ въ
словесности нашей, поэтъ явилъ въ
новомъ произведеніи признакъ дарова-
нія зрѣющаго болѣе и болѣе.

Кл. Кто эти судіи? мы другихъ не
признаемъ, кромѣ *Вѣстника Европы*
и *Благонамѣреннаго*; и по попому,
что пишемъ съ ними за одно. Дождемъ-
ся, что они скажутъ!

Изд. Ждите съ Богомъ! а я пока
скажу, что рассказъ у Пушкина живъ и
занимапельень. Въ произведеніи его дви-
женія много. Въ раму довольно пѣсную
вложилъ онъ дѣйствіе полное, не ошъ

множества лицъ и сдѣлленія различныхъ приключеній, но опъ искусива, съ какимъ поэпъ умѣлъ выспавишь и оппшѣнишь главныя лица своего повѣспивованія! *Дѣйствіе* зависишь, шакъ сказапъ, опъ *дѣятельности* дарованія: слогъ придаепъ ему крылья или гириями замедляепъ ходъ его. Въ пвореніи Пушкина участіе чипапеля поддерживаепся съ начала до конца. — До эпной шайны иначе доспигнушь нельзя, какъ заманчивоспью слога.

Кл. Со всѣмъ шѣмъ я увѣренъ, что, по обыкновенію романпическому, все эпное дѣйспвіе шолько слегка обозначено. Чипапель въ подобныхъ случаяхъ долженъ бышь подмаспьерьемъ авпора и за него досказывашь. Легкіе намеки, шуманныя загадки: вошь мапериалы, изгопшвленныя романпическимъ

Поэпомъ , а шамъ чипапелъ дѣлай изъ нихъ, чпо хочешъ. Романпической зодчій оспавляешъ на произволь каждому распоряженіе и успройство зданія — сущаго воздушнаго замка , не имѣющаго ни плана , ни основанія.

Изд. Вамъ не довольно того , чпо вы передъ собою видише зданіе красивое : вы пребуеше еще , чпобъ видѣнь былъ и осповъ его. Въ изящныхъ пвореніяхъ довольно одного дѣйствія общаго ; чпо за охопа видѣнь производство ? Твореніе искусшва — обманъ. Чѣмъ менѣе выказываешся прозаическая связь въ часпяхъ , тѣмъ болѣе выгоды въ опношеніи къ цѣлому. Часпья мѣспоименія въ рѣчи замедляютъ ея печеніе , охлаждають расказъ. Еспъ въ изобрѣшеніи и въ вымыслѣ шакже свои мѣстоименія , опъ коихъ дарованіе спараш-

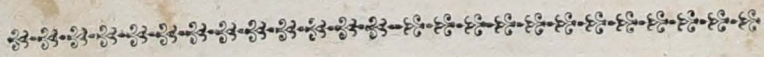
ся опдѣлываешь удачными эллипсами. За чѣмъ все высказываешь, и на все напираешь, когда имѣемъ дѣло съ людьми поняпія дѣятельнаго и оспраго? а о людяхъ поняпія лѣниваго, шупаго и думаешь нечего. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ классическомъ чипапелѣ, который никакъ не понималъ, что сдѣлалось въ *Кавказскомъ Пльбникѣ* съ Черкешенкою при стихахъ:

И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Спруисшый исчезаетъ кругъ.

Онъ пѣнялъ Поэпу, за чѣмъ пошь не облегчилъ его догадливости, сказавъ прямо и буквально, что Черкешенка бросилась въ воду и упонула. Оспавимъ прозу для прозы! И пакъ довольно ея въ жишейскомъ бышу и въ стихопвореніяхъ, печашаемыхъ въ Вѣспникѣ Европы.

P. S. Тупъ Классикъ мой оставиль
меня съ поропливостію и гнѣвомъ , и
мнѣ вздумалось положишь на бумагу
разговоръ, происходившій между нами.
Перечисывая его , мнѣ впало въ умъ ,
что могутъ подозрѣвать меня въ лу-
кавствѣ; скажущъ : «Издапель нарочно
ослабилъ возраженія своего пропивника,
и съ умысломъ ушайлъ все , что могло
вырваться у него дѣльнаго на защипу
своего мнѣнія!» — Передъ недовѣрчиво-
стію оправдываешь напрасно ! но пу-
скай обвинители мои примущъ на себя
трудъ перечисать все , что въ нѣко-
порыхъ изъ журналовъ нашихъ было
сказано и пересказано на счепъ роман-
тическихъ опышовъ , — и вообще на
счепъ новаго поколѣнія Поэзіи нашей :
если изъ всего того выключишь гру-
бья личности и пошлыя насмѣшки ,

по безъ сомнѣнiя каждый легко уѣ-
рился, что мой собесѣдникъ подь пару
своимъ журнальнымъ клевершамъ.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ

ФОНТАНЪ,

Гирей сидѣлъ пошупя взоръ ;
Яншарь въ устахъ его дымился ;
Безмолвно раболѣпный Дворъ
Вкругъ Хана грознаго шѣснился.
Все было шихо во дворцѣ,
Благоговѣя, всѣ чинали
Примѣшы гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелишель горделивой

Махнулъ рукой нешерпѣливой
И всѣ, склонившись, идущъ вонъ.

Одинъ въ своихъ черпогахъ онъ ;
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ ,
Живѣе строгое чело
Волненье сердца выражаетъ .
Такъ бурны шучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло .

Что движешь гордою душою ?
Какою мыслью заняшь онъ ?
На Русь ли вновь идешь войною ,
Несешь ли Польшѣ свой законъ ,
Горишь ли местию кровавой ,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ ,
Сспрашишься ли народовъ горь ,
Иль козней Генуи лукавой ?

Нѣшь , онъ скучаешь бранной славою ;
 Успала грозная рука ;
 Война ошь мыслей далека .

Ужель въ его Гаремъ измѣна
 Спезей преступною вошла ,
 И дочь неволи , нѣгъ и плѣна
 Гяуру сердце ошдала ?

Нѣшь , жены робкія Гирея
 Ни думаешь , ни желашь не смѣя ,
 Цвѣшущь въ унылой пишинѣ ;
 Подъ спражей бдишельной и хладной
 На лонѣ скуки безопрадной
 Измѣнь не вѣдаюшь онѣ .
 Въ шѣни хранишельной шемницы
 Ушаены ихъ красошы :
 Такъ Аравійскіе цвѣшы

Живушь за спеклами шеплицы.
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣша проходяшь
И непримѣшно за собой
И младость и любовь уводяшь.
Однообразень каждый день
И медленно часовъ печенье,
Въ Гаремѣ жизнью правишь лѣнь;
Мелькаешь рѣдко наслажденье;
Младья жены, какъ нибудь
Желая сердце обманушь,
Мѣняюшь пышные уборы,
Заводяшь игры, разговоры;
Или при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ
Гуляюшь легкими роями.
Межъ ними ходишь злой эвнухъ

И убѣгать его напрасно :
 Его ревнивый взоръ и слухъ
 За всѣми слѣдуешь всечасно.
 Его стараньемъ заведёкъ
 Порядокъ вѣчный. Воля Хана
 Ему единственнѣй законъ ;
 И самыя главы Корана
 Не спроче наблюдаешь онъ.
 Его душа любви не просишь ;
 Какъ истуканъ онъ переносишь
 Насмѣшки , ненависть , укоръ ,
 Обиды шалости нескромной,
 Презрѣнье , просьбы робкѣй взоръ ,
 И тихій вздохъ , и ропотъ шомной.
 Ему извѣстна женскѣй нравъ ;
 Онъ испыталъ , сколь онъ лукавъ
 И на свободѣ и въ неволѣ :
 Взоръ нѣжный , слезъ упрёкъ нѣмой

Не власны надъ его душой,
Онъ имъ уже не вѣришь болѣ.

Раскинувъ легкіе волосы,
Какъ идушь плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льюшься волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы:
Забавъ ихъ спорожь неоплучный
Онъ шущъ ; онъ видишь , равнодушный ,
Прелестницъ обнаженный рой ;
Онъ по Гарему въ пѣмѣ ночной
Неслышными шагами бродишь ;
Сшупая шихо до коврамъ ,
Къ послушнымъ крадешся дверямъ ,
Ошь ложа къ ложу переходишь ;
Въ забашѣ вѣчной Ханскихъ жёнъ
Роскошный наблюдаешь сонъ ,

Ночной подслушиваешь лепешь ;
 Дыханье , вздохъ , малѣйшій шрепешь—
 Все жадно примѣчаешь онь ;
 И горе шой , чей шопошь сонной
 Чужое имя призываль ,
 Или подругѣ благосклонной
 Порочны мысли довѣрять !

Чшожь долонь грусти умь Гирея ?
 Чубукъ въ рукахъ его пошухъ ;
 Недвижимъ , и дохнушь не смѣя ,
 У двери знака ждешь эвнухъ .
 Вспаешь задумчивый власшишель ;
 Предъ нимъ дверь насшижь . Молча , онь
 Идешь въ завѣшную обишель
 Еще недавно-милыхъ жень .

Безпечно ожидая Хана ,
 Вокругъ игриваго фоншана

На шелковыхъ коврахъ онѣ
 Толпою рѣзвою сидѣли
 И съ дѣшской радостью глядѣли,
 Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила днѣ.
 Нарочно къ ней на дно инныя
 Роняли серги золошныя.
 Кругомъ невольницы межъ шѣмъ
 Шербешъ носили аромашной
 И пѣсню звонкой и пріятной
 Вдругъ огласили весь Гаремъ :

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1

« Даруешь Небо человѣку
 Замяну слезъ и часшыхъ бѣдъ :
 Блаженъ Факирь , узрѣвшій Меку
 На старости печальныхъ лѣтъ.

« Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
 Своею смершью освяшишь :
 Къ нему на встрѣчу дѣва Рая
 Съ улыбкой спросиной полюбишь.

« Но шонъ блаженнѣй, о Зарема !
 Кпо миръ и нѣгу возлюбя,
 Какъ розу, въ шшинѣ Гарема
 Делѣешь, милая, себя. »

Онѣ поюшь ; но гдѣ Зарема,
 Звѣзда любви, краса Гарема ? —
 Увы ! печальна и блѣдна,
 Похваль не слушаетъ она.

Какъ пальма, смятая грозою,
 Поникла юной головою ;
 Ни что , ни что не мило ей :
 Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ! но кто съ тобою,
 Грузинка , равень красою ?
 Вокругъ лилейнаго чела
 Ты косу дважды обвила ;
 Твои плѣнительныя очи
 Яснѣ дня , чернѣ ночи ;
 Чей голось выразишь сильнѣй
 Порывы пламенныхъ желаній ?
 Чей спраспный поцѣлуй живѣй
 Твоихъ пронзительныхъ лобзаній ?
 Какъ сердце , полное тобой ,
 Забьется для красоты чужой ?
 Но равнодушный и жестокой,

Гирей презрѣль свои красы
И ночи хладные часы
Проводишь мрачный, одинокой
Съ шѣхъ поръ, какъ Польская Княжна
Въ его Гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія ;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ сирани родной.
Сѣдой отецъ гордился ею ,
И звалъ опрадою своею.
Для шарика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ :
Чшобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна ;
Чшобъ и минушныя печали

Ея души не помрачили ;
Чтобъ даже за мужемъ она
Вспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время , дни забавъ ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло : тихій нравъ ,
Движенья стройныя , живыя
И очи темно-голубыя,
Природы милыя дары
Она искусствомъ украшала ;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла ;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней
Въ спраданьи шайномъ изнывали.
Но въ шипинѣ души своей
Она любви еще не знала

И независимой досугъ
 Въ опцовскомъ замкѣ межъ подругъ
 Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давноль? и чтоже! пшмы Ташарь
 На Польшу хлынули рѣкою.
 Не съ споль ужасной быспрошою
 По жашвѣ спелешя пожарь.
 Обезображенный войною,
 Цвѣшущій край оспрошѣль;
 Изчезли мирныя забавы,
 Уныли селы и дубравы
 И пышный замокъ опусшѣль.
 Тиха Маріина свѣшлица.
 Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
 Почіюшь мощи хладнымъ сномъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ
 Воздвиглась новая гробница.

Отець въ могилѣ , дочь въ плѣну ,
 Скупой наслѣдникъ въ замкѣ правишь ,
 И шягосшнымъ ярмомъ безславишь
 Опустошенную страну.

Увы ! дворець Бахчисарая
 Скрываешь юную Княжну.
 Въ неволѣ шихой увядая ,
 Марія плачешь и грустишь .
 Гирей несчастную щадишь :
 Ея унынье , слёзы , стоны
 Тревожатъ Хана крашкѣй сонъ ,
 И для нее смягчаешь онъ
 Гарема строгіе законы .
 Угрюмый спорожь Ханскихъ жёнъ
 Ни днемъ , ни ночью къ ней не входишь ;
 Рукой заботливой не онъ
 На ложе сна ее возводишь ,

Не смѣешь устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей ;
Она въ купальнѣ пошасенной
Одна съ невольницей своей ;
Самъ Ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальной возмущашъ покой ;
Гарема въ дальнемъ ошдѣленьи
Позволено ей жить одной ,
И мнишся, въ томъ уединеньи
Сокрылся нѣкто не земной.
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой ,
Души шоскующей ошрада ;
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной Вѣрой обшашешъ ,
И сердцу все напоминаешъ
О близкой , лучшей споронѣ ;
Тамъ дѣва слѣзы проливаешъ

Вдали зависливыхъ подругъ ;
 И между тѣмъ какъ все вокругъ
 Въ безумной нѣгѣ упоаешь,
 Святыню строгую скрываешь
 Спасенный чудомъ уголокъ.
 Такъ сердце, жертва заблужденій,
 Среди порочныхъ упоеній
 Хранишь одинъ свяшой залогъ,
 Одно божественное чувство.

— . — . — . — .
 — . — . — . — .

Наспала ночь ; покрылись тѣнью
 Тавриды сладостной поля ;
 Вдали, подъ тихой лавровъ сѣнью
 Я слышу тѣнь соловья ;
 За хоромъ звѣздъ луна возходитъ ;

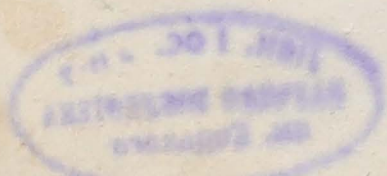
Она съ безоблачныхъ небесъ
 На доли, на холмы, на лѣсъ
 Сіянье помное наводишь.
 Покрышы бѣлой пеленой,
 Какъ тѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Бахчисарая,
 Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
 Проспыхъ Ташаръ спѣшашъ супруги
 Дѣлешь вечерніе досуги.
 Дворецъ ушихъ ; уснуль Гаремъ,
 Объямый нѣгой безмяшежной ;
 Не прерывается ничѣмъ
 Спокойство ночи. Спражь надежной
 Дозоромъ обошелъ звнухъ.
 Теперь онъ сийшь ; но спражь прилежной
 Тревожишь въ немъ и спящій духъ.
 Измѣнь всечасныхъ ожиданье
 Покоя не даешь уму.

16505.

То чей-то шорохъ , то шептанье ,
 То крики чужахъ ему ;
 Обманушый невѣрнымъ слухомъ
 Онъ пробуждается , дрожишь ,
 Напуганнымъ прикинувь ухомъ
 Но все кругомъ его молчишь ;
 Одни фоншаны сладкозвучны
 Изъ мраморной пемницы бьютъ ,
 И съ милой розой неразлучны
 Во мракъ соловьи поютъ ;
 Эвнухъ еще имъ долго внемлешь
 И снова сонъ его объемлешь .

Какъ милы темныя красы
 Ночей роскошнаго Восшока ! .
 Какъ сладко льются ихъ часы
 Для обожашелей Пророка !
 Какая нѣга въ ихъ домахъ ,

Въ очаровашельныхъ садахъ ,
 Въ шиши Гаремовъ безопасныхъ ,
 Гдѣ подь вліяніемъ луны
 Все полно тайнь и шишины
 И вдохновеній сладострасшныхъ !

— . — . — . — .

Всѣ жены спяшь. Не спишь одна.
 Едва дыша, всшаешь она ;
 Идешь ; рукою шоропливой
 Открыла дверь ; во тьмѣ ночной
 Сшупаешь легкою ногой.
 Въ дремотѣ чуткой и пугливой
 Предь ней лежишь эвнухъ съдой.
 Ахъ ! сердце въ немъ неумолимо ;
 Обманчивъ сна его покой !
 Какъ духъ , она промчалась мимо,

— . — . — . — .

Предъ нею дверь : съ недоумьнемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка.
 Вошла , взираешь съ изумленьемъ.
 И тайный страхъ въ нее проникъ.
 Лампады свѣтъ уединенный ,
 Кивошь печалью озаренный ,
 Пречистой Дѣвы крошкѣй ликъ
 И Крещъ , любви символъ священный ,
 Грузинка ! все въ душѣ швоей
 Родное что-то пробудило ,
 Все звуками забышыхъ дней
 Невняшно вдругъ заговорило.—
 Предъ ней покоилась Княжна
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланишы оживлялись ,
 И слезъ являя свѣжій слѣдъ ,
 Улыбкой шомной озарались.

Такъ озаряешь лунный свѣтъ
 Дождемъ опягощенный цвѣтъ.
 Спорхнувшій съ неба сынъ Эдема,
 Казалось, Ангель почиваль,
 И сонный, слезы проливалъ
 О бѣдной плѣнницѣ Гарема.
 Увы, Зарема, что съ тобой?
 Спѣснилась грудь ея плоской,
 Невольно клоняшся колѣни,
 И молишь: „сжался надо мной,
 Не отвергай моихъ моленій „.....
 Ея слова, движенье, сонъ
 Прервали дѣвы шихій сонъ;
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зришь;
 Въ смященьи, шрепешной рукою
 Ее подьемля, говоришь:
 „Клю шы?... одна, порой ночью —

За чѣмъ ты здѣсь? « — Я шла къ тебѣ ,
 Спаси меня ; въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осталась
 Я долго счастьемъ наслаждалась ,
 Была безпечнѣй день оъ дня
 И шѣнь блаженства миновалась ;
 Я гибну . Выслушай меня .

Родилась я не здѣсь , далеко ,
 Далеко но минувшихъ дней
 Предметы въ памяти моей
 Донынѣ врѣзаны глубоко .
 Я помню горы въ небесахъ ,
 Попоки жаркіе въ горахъ ,
 Непроходимыя дубравы ,
 Другой законъ , другіе нравы ;
 Но почему , какой судьбой
 Я край оставила родной ,

Не знаю ; помню только море
 И человека въ вышинѣ
 Надъ парусами.

Страхъ и горе

Донынѣ чужды были мнѣ ;
 Я въ безмятежной тишинѣ
 Въ шѣни Гарема разцвѣшала ,
 И первыхъ опышовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала.
 Желанья тайныя мои
 Сбылись. Гирей для мирной нѣги
 Войну кровавую презрѣль ,
 Пресѣкъ ужасныя набѣги
 И свой Гаремъ оцашь узрѣль.
 Предъ Хана въ смущномъ ожиданьи
 Предшали мы. Онъ свѣшлый взоръ
 Остановиль на мнѣ въ молчаньи ,
 Позваль меня. и съ эшихъ поръ

Мы въ безпрерывномъ упоеньи
Дышали счастьемъ , и ни разъ
Ни клевета , ни подозрѣнье ,
Ни злобной ревности мученье ,
Ни скука не смущала насъ.
Марія ! ты предъ нимъ явилась
Увы ! съ тѣхъ поръ его душа
Пресупной думой омрачилась.
Гирей , измѣною дыша ,
Моихъ не слушаешь укоровъ ,
Ему докучень сердца спонь ;
Ни прежнихъ чувствъ , ни разговоръ
Со мною не находишь онъ.
Ты пресупленью не причасна ;
Я знаю : не твоя вина
И шакъ послушай : я прекрасна ,
Во всемъ Гаремъ ты одна
Моглабъ еще мнѣ быть опасна ;

Но я для страсти рождена ,
 Но ты любишь , какъ я , не можешь ;
 За чѣмъ же холодной красой
 Ты сердце слабое превозишь ?
 Оставь Гирея мнѣ ; онъ мой ;
 На мнѣ горяшь его лобзанья ,
 Онъ кляшвы спрашныя мнѣ далъ ,
 Давно всѣ думы , всѣ желанья
 Гирей съ моими сочешалъ ;
 Меня убьешь его измѣна
 Я плачу ; видишь , я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобой ,
 Молю , винишь себя не смѣя ,
 Ошдай мнѣ радость и покой ,
 Ошдай мнѣ прежняго Гирея
 Не возражай мнѣ ничего ;
 Онъ мой ! онъ ослѣпленъ побою .
 Презрѣнъемъ , прозьбами , шоскою ,

Чѣмъ хочешь , ошвраши его ;
 Клянись (хошь я для Ал-Корана ,
 Между невольницами Хана ,
 Забыла вѣру прежнихъ дней ;
 Но вѣрой матери моей
 Была швоя) клянись мнѣ ею
 Зарему возвратишь Гирею
 Но слушай : если я должна
 Тебѣ кинжаломъ я владѣю ,
 Я близъ Кавказа рождена . — «

Сказавъ , исчезла вдругъ . За нею
 Не смѣешь слѣдовать Княжна .
 Невинной дѣвѣ непоняшенъ
 Языкъ мучительныхъ спрашней ,
 Но голосъ ихъ ей смушно вяшенъ ;
 Онъ спраненъ , онъ ужасенъ ей .
 Какія слезы и моленья

Ее спасушь ошь посрамленья ?
 Чшо ждесть ее ? уже ли ей
 Осташокъ горькихъ юныхъ дней
 Провестъ наложницей презрънной ?
 О Боже ! если бы Гирей
 Въ ея шемницѣ опдаленной
 Забылъ несчастную на вѣкъ ,
 Или кончиной ускоренной
 Унылы дни ея пресѣкъ !
 Съ какою бь радостью Марія
 Оставила печальный свѣшь !
 Мгновенья жизни дорогія
 Давно прошли , давно ихъ нѣшь !
 Чшо дѣлашь ей въ пустынь мѣра ?
 Ужь ей пора , Марію ждущь
 И въ небеса , на лоно мира ,
 Родной улыбкою зовущь .

— . — . — . —

Промчались дин ; Маріи нѣшь.
 Мгновенно сирота почила.
 Она давно-желанный свѣтъ ,
 Какъ новый Ангель , озарила.
 Но что же въ гробъ ее свело ?
 Тоска ль неволи безнадежной ,
 Болѣзнь, или другое зло ?
 Кто знаешь ? — Нѣшь Маріи нѣжной !
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ ;
 Его Гирей оцашь оставилъ ;
 Съ шолпой Тапаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ оцашь направилъ ;
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный , кровожадный :
 Но въ сердцѣ Хана чувствъ иныхъ
 Таится пламень безотрадный.
 Опъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю , и съ размаха

Недвижимъ оспаешся вдругъ ,
 Глядишь съ безуміемъ вокругъ ,
 Блѣднѣешь , будто полный страха ,
 И что-то шепчешь , и порой
 Горючи слезы льешь рѣкой .

Забытый , преданный презрѣнью
 Гаремъ не зришь его лица ;
 Тамъ , обреченная мученью ,
 Подъ стражей хладнаго скопца
 Спарбюють жены . Между ними
 Давно Грузинки нѣшь ; она
 Гарема спражами нѣмыми
 Въ пучину водъ опущена .
 Въ шу ночь , какъ умерла Княжна ,
 Свершилось и ея страданье .
 Какаябъ ни была вина ,
 Ужасно было наказанье ! —

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И селы мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился Ханъ,
И въ память горестной Маріи
Воздвигнулъ мраморный фоншанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ Крестомъ осѣнена
Магомешанская луна
(Символь конечно дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись : ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ея чершами
Журчишь во мраморъ вода
И каплешь хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачешь мать во дни печали

О сынѣ , падшемъ на войнѣ .
 Младья дѣвы въ той странѣ
 Преданье старины узнали
 И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали . —

Покинувъ Сѣверъ наконецъ ,
 Пиры на долго забывая,
 Я поѣхалъ Бахчисарая
 Въ забвеньи дремлющій дворецъ .
 Среди безмолвныхъ переходовъ
 Бродилъ я шамъ , гдѣ бичъ народовъ ,
 Тапаринъ буйный пировалъ
 И послѣ ужасовъ набѣга
 Въ роскошной лѣни утопалъ .
 Еще понынѣ дышешь нѣга
 Въ пусныхъ покояхъ и садахъ ;
 Играешь воды , рдѣешь розы ,

И вьются виноградны лозы,
 И злато блещетъ на спѣнахъ.
 Я видѣлъ вѣшкія рѣшетки,
 За коими, въ своей веснѣ,
 Ланшарны разбирая чешки,
 Вдыхали жены въ пишинѣ.
 Я видѣлъ Ханское кладбище,
 Владыкъ послѣднее жилище.
 Сіи надгробныя столбы,
 Вѣнчанныя мраморной чалмою,
 Казалось мнѣ, завѣшь судьбы
 Гласили вняшною молвою.
 Гдѣ скрылись Ханы? гдѣ Гаремъ?
 Кругомъ все тихо, все уныло,
 Все измѣнилось. . . . но не шѣмъ
 Въ то время сердце полно было:
 Дыханье розъ, фоншановъ шумъ
 Влекли къ невольному забвенію,

Неволью предавался умъ
 Незьяснимому волненью,
 И по дворцу лешучей шѣню
 Мелькала дѣва предо мной! —

— . — . — . — .
 Чью шѣнь, о други, видѣль я,
 Скажите мнѣ: чей образъ нѣжный
 Тогда преслѣдоваль меня
 Неопразимый, неизбежный?
 Маріи ль чистая душа
 Являлась мнѣ, или Зарема
 Носилась, ревностью дыша,
 Средь опустѣлаго Гарема?

Я помню споль же милый взглядъ
 И красоту еще земную;

— . — . — . — .
 — . — .

Поклонникъ Музъ , поклонникъ мира ,
 Забывъ и славу и любовь ,
 О! скоро васъ увижу вновь
 Брега веселые Саагира!
 Приду на склонъ приморскихъ горъ ,
 Воспоминаній тайныхъ полный ,
 И вновь Таврическія волны
 Обрадуюшъ мой жадный взоръ.
 Волшебный край ! очей отрада !
 Все живо шамъ : холмы , лѣса ;
 Янтарь и яхоншь винограда ,
 Долинь пріюшная краса ,
 И струй и шополей прохлада.
 Все чувство пушника манишь ,
 Когда въ часъ ушра безмяшежной ,
 Въ горахъ , дорогою прибрежной ,
 Привычный конь его бѣжишь ,
 И зеленѣющая влага

Предъ нимъ и блещеть и шумишь
Вокругъ ушесовъ Аю-дага. . . .

Желая познакомиться читателю, не бывавшихъ въ Тавридѣ, со сценою повѣспованія Поэта нашего, предлагаемъ имъ здѣсь выписку изъ любопытнаго и занимательнаго Путешествія по Тавридѣ, недавно изданнаго Н. М. Муравьевымъ-Апостоломъ.

»Вчера въ вечеру подѣхавъ къ Бакчи-сараю и спустившись въ ущелину, въ копорой онъ лежишь, я засвѣпло успѣлъ только проѣхать длинную улицу, ведущую къ Хан-сараю (т. е. къ Ханскому Дворцу) на воспочномъ концѣ города находящемся. Солнца давно уже не видно было за горами и сумракъ начиналъ сгущаться, когда я вспустилъ на первый дворъ *сарая*. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по перемамъ и дворамъ Таврической *Аламбры*; и чѣмъ менѣе видимы спановилися предмѣтны, тѣмъ живѣе дѣлалася игра воображенія моего, наполнившася радужными цвѣтами воспочной поэзіи.

Я поведу себя, мой другъ, не изъ покоевъ, но такъ какъ должно опъ внѣ-

шнихъ воропъ, въ копорыя проѣздъ съ улицы, по мосту чрезъ узкую *Грязную рѣчку*, Сурукъ-су. Прошедъ въ воропа, ты на первомъ дворѣ; на проспранномъ Паралелограмѣ, коего, прошивуположный входу, малый бокъ, граничишь съ садовыми перасами; оба же большіе, заняты на лѣвой споронѣ Мечешью и службами; а съ правой, дворцемъ состоящимъ изъ смѣжныхъ не одинаковой высоты зданій. На этой правой споронѣ, чрезъ воропа подъ спроеніемъ находящіяся, ты проходишь во внупренній дворъ, гдѣ пошь часть на лѣвой рукѣ, предспавляющя шебѣ желѣзныя двери, песпро въ Аравскомъ вкусѣ украшенныя, съ двуглавымъ надъ ними орломъ, занявшимъ мѣсто Опшпоманской луны.

Переспутивъ за порогъ, ты въ про-

странныхъ сѣняхъ , на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое крыльцо ведущее на верхніе палаты. Но сперва остановимся въ сѣняхъ и посмотримъ на два прекрасные фонтана , безпрестанно льюшіе воду изъ сѣбѣны въ бѣлыя мраморныя чаши : одинъ насупротивъ дверей ; другой потѣ часъ на лѣво.

Дабы не оставили ничего недосказаннымъ о семъ нижнемъ помостѣ , замѣтимъ широкій корридоръ отъ лѣваго угла , противуположной входу сѣбны , ведущей прямо въ домовую Ханскую божницу , надъ дверью коей начертано :

Селамидъ-Гирей Ханъ , сынъ Гаджи-Селимъ Гирей Хана *.

* Селамидъ владѣлъ ошъ 1587 по 1610.

Другая дверь того же корридора на лѣво, даетъ входъ въ большую комнату, гдѣ диванъ вокругъ стѣнъ, до половины покоя, съ мраморнымъ посреди онаго водометомъ. Это убѣжище прелестно прохладою въ знойные часы, когда раскаляюся отъ жару окружающія Бакчисарай горы. Третья дверь ведетъ въ Ханскій Диванъ, и. е. въ комнату, гдѣ собирался Государственный Совѣтъ; въ нее есть входъ и чрезъ переднюю, съ наружи отъ большаго двора.

Когда я опишу тебѣ одну изъ залъ верхняго жилья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, различующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ а городками, по первое должно замѣтить, что главныя залы освѣще-

ны съ прехъ споронъ ; ш. е. всѣ изъ фасады выпсупающія оныхъ спѣны , всплошь окончатныя. Другаго входа въ залу нѣтъ кромѣ одной двери боковой , не примѣпной между пиласпрами Аравскаго вкусу , между коими и шкафы , пакъ же не примѣпные , находяпся по всей шемной эпой спѣнѣ. Надъ оными (въ лучшихъ залахъ) спекла съ нупри и съ наружи покоя , до пополка , между коими спояптъ украшенія лѣпной работы , какъ то чаши съ плодами , съ цвѣпами , или деревцы съ чучелами разныхъ ппницъ. Пополки пакъ же какъ и шемная спѣна спюлярной работы и весьма красивы : эпо поненькая вызолоченная рѣшетка , лежащая на лаковомъ грунпѣ , гуспаго краснаго цвѣпта ; на полу я увидѣлъ знакомыя мнѣ въ Испаніи *Эстеры* ш. е. рогожки весьма

искусно сплешенныя изъ просшника ,
 родъ *гениста* и упошребляемыя вмѣ-
 сто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или
 каменныхъ. Для зашщпы опъ яркоспи
 лучей въ комнашѣ съ прехъ споронъ
 освѣщенной , кромѣ спавней служапъ
 еще и цвѣшныя , узорчатыя спекла въ
 окнахъ , любимое рыцарскихъ замковъ
 украшеніе , безъ сомнѣнія занятое Ев-
 ропейцами опъ воспочныхъ народовъ ,
 во время кресповыхъ походовъ. Если
 въ заключеніе сего общаго описанія пы
 предспавишь себѣ диванъ , ш. е. по-
 душки , иѣкогда изъ шелковыхъ шка-
 ней , на полу лежащія вокругъ всѣхъ
 спѣнъ , изключая шемной , пы будешь
 имѣшь поняшіе о лучшихъ залахъ двор-
 ца , кромѣ прехъ или чешырехъ , пере-
 дѣланныхъ для Имперашрицы Екаше-
 рины II., въ Европейскомъ вкусѣ , съ

высокими диванами, съ креслами и споллами. Сія послѣдняя ушварь особливо драгоцѣнна для насъ *крещеныхъ*, ибо во всѣхъ спранахъ гдѣ проповѣдуешя Коранъ, правовѣрные вмѣсто споловъ упоиребляюшъ низкія круглыя скамы, на копорыя спавяшъ подносы и ѣдяшъ на нихъ сидя, поджавъ подъ себя ноги, на полу.

Ты легко догадаешься можешь, что въ споронѣ опъ сего спроеія находился гаремъ, не присшунный для всѣхъ, кромѣ Хана, и для него одного имѣющій сообщеніе чрезъ корридоръ съ Дворцемъ. Эша часшъ болѣе всѣхъ въ упадкѣ. Разныя домики, въ коихъ нѣкогда жершвы любви, или лучше сказашъ любоспраснія, помилися въ неволѣ, предспавляюшъ шеперь печальную каршину разрушенія: обвалившіеся

пополки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что в помя пользы, когда то же время рокомъ узницамъ опредѣленное, прошекло для нихъ безопрядно, вь рабскихъ угожденіяхъ *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! — На краю сего Гарема, споипть на большомъ дворѣ, высокая шеспиугольная бесѣдка, съ решепками вмѣспо оконь, изь кошорой, какъ сказываюпть, Ханскія жены, не видимыя сморѣбли на игры, вьѣзды Пословъ и другія позорища. Иные говоряпть, что будпо бы шупть Хань любовался фазанами и показываль ихъ любимицамъ своимъ. Эпо послѣднее попому шолько вьѣрояпно, что пѣспухъ съ семейспвомъ своимъ, еспь единспвенная карпина, кошорую супругъ-Мусульмань можешь предспав-

ляпъ невольницамъ своимъ въ оправданіе многоженства. — Между сею полу-согнившею бесѣдкою и комнапою, о которой я говорилъ, на нижнемъ помостѣ, съ мраморнымъ фоншаномъ, еспь прекрасный цвѣпничекъ, гдѣ миршъ и розы могли нѣкогда внушашъ пѣсни Тапарскому Анакреону.

Но пора оставишь сіи грудь пѣснящіе памяпники невольничества и выйди подышашъ на чистомъ воздухѣ. Вопъ насупротивъ большихъ воропъ, на концѣ двора, къ горѣ примыкающагося, перасы въ чешыре усшупа, на коихъ плодоносныя деревья, виноградъ на решепкахъ и прозрачные испочники, съ усшупа на другой ліющіеся въ каменные бассейны. Можешъ бышь нѣкогда Мурзы-Царедворцы, уподобляя Гиреевъ съ владыками Вавилона, срав-

нивали и перасы ихъ съ висящими садами Семирамисы : но теперь Крымское чудо сіе представляешъ видъ опустѣнія , такъ какъ и всѣ памятники въ Тавридѣ. Болѣе всего жаль драгоценнѣйшаго здѣсь сокровища , воды : многія прубы уже засорились , а нѣкопорые испочники и совсѣмъ исчезли.

За Мечешью , виѣ двора , кладбище Хаковъ и Сулпановъ владѣтельнаго дома Гиреевъ. Прахъ ихъ покоится подъ бѣлыми , мраморными гробницами , осѣненными высокими тополями , орѣховыми и шелковичными деревьями. Тупъ лежатъ Менгли и опець его , основатель могущества Царства Крымскаго. Всѣ памятники покрыты надписями.

Прежде нежели оставимъ сію юдолю сна непробуднаго , я укажу тебѣ ошь

сюда на холмъ , въ лѣво отъ верхней садовой перасы, на коемъ стоить красивое зданіе съ круглымъ куполомъ : это мавзолей прекрасной Грузинки , жены Хана Керимъ-Гирея. Новая Заира, силою прелестней своихъ , она повелѣвала тому , кому все здѣсь повиновалось; но не долго : увяль райскій цвѣтъ въ самое утро жизни своей , и безопраднѣй Керимъ соорудилъ любезной памятникъ сей , дабы ежедневно входилъ въ оный и утѣшался слезами надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы , но нѣтъ уже болѣе входа къ нему ; дверь наглухо заложена. Странно очень , что всѣ здѣшніе жипели непременно хотѣли , что бы эта красавица была не Грузинка а Полячка , именно какая-то Пошюцкая , буди бы похищенная Ке-

римь-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣеть ни какого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Тапарамъ похищать Полячекъ; всѣ доводы мои остались бесполезными: они спояпъ въ одномъ: Красавица была Попоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Попоцкихъ.»

Стран. 3.

Гяуру сердце ошдала.

Тъ ошибаюшся, кошорые пишушь *Джяурь*.

Стран. 20.

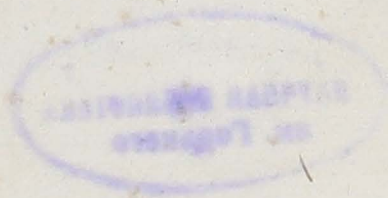
Кивошь печалью озаренный.

должно гитать :

Кивошь печально озаренный.

С 167

СПбГУ

Увидеть кто разъ
Не будетъ помнить тебя,
Момъ доосеню позабытъ
Всё свомъ и само себя.

С. М. и. и. о. в.

Милости, что грѣше тани
Семь, какъ неодолеу
Семь е тани оане !
А: Л. С. и. и. о. в.

200
[P]

СПбГУ

